

МАРИЯ ЭНГСТРАНД

Э	У	З	Е	Ъ	Ъ	Х	Ш		З	Х	Р	Ш	Я
Н		Ф	Ш	Ю	К	З	О	З	Ю	Д	Э	Ь	Ю
Ш	У	О	Т	Р	Е	А	С	Х	Т	А		Х	Е
	Д	Ф	Ш	У	Щ	Д	А	Р	Т	П	Ш	Ю	Ь

ПЕРЕВОД СО ШВЕДСКОГО ЮЛИИ КОЛЕСОВОЙ

Папе на небе,
маме на земле,
Эмме и Элин,
которые всегда в моем сердце

1

Первая встреча с Орестом стала сплошным разочарованием.

Он вошел в класс, не постучавшись, и оказался прямо перед экраном, на котором учительница показывала изображения древнегреческих воинов. На мгновение они слились — Орест и греческий воин, похожий на живую тень с копьем и щитом. Сердце у меня забилося чаще.

Но потом учительница включила верхний свет, тень исчезла, и посередине класса остался один Орест. Никакого копья у него не было. Щита тоже. Зато был коричневый портфель в руках. Мы в шестом классе! Можете мне поверить: *никто* не ходит с портфелем.

Все, кто воспользовался случаем подремать, пока свет выключили и шторы задернули, теперь оживились: это что еще за птица?

Но дело не только в портфеле. Вдобавок он пришел в рубашке. Не в помятой, небрежно накинутой — это

еще как-то прокатило бы, нет! На парне была отутюженная, белая, скучная рубашка. Все пуговицы застегнуты — до самого верха. И заправлена она в брюки с поясом — не джинсы. Приглаженные темные волосы. Серьезное лицо. Он выглядел как взрослый.

Вы, наверное, подумали, что я много внимания уделяю одежде? Ничего подобного. Просто я очень долго ждала появления Ореста. И думала, что он будет не такой, как все, — хотя и совсем в другом смысле.

В рюкзаке у меня лежало письмо, предназначенное Оресту. Старое письмо в потрепанном конверте. Больше ста дней я лгала и скрывалась, чтобы сохранить его в тайне. Всё началось со ссоры между мной и мамой, продолжавшейся очень-очень долго — я опасалась, что она затянется, как Война из-за виолончели и Инцидент с интернетом (наши Самые Большие Ссоры). Короче: это письмо мне дорого обошлось.

И я знала, что передо мной Орест, хотя никогда раньше с ним не встречалась. Неужели всё это правда? Возможно ли, что такое удивительное, загадочное и потрясающее послание предназначено *ему* — мальчику с портфелем?

А пока он стоял перед классом с непроницаемым лицом, кратко отвечая на вопросы учительницы.

— Так это ты — Орест Нильссон?

— Да.

— И ты с сегодняшнего дня будешь учиться в нашем классе?

— Да.

— Добро пожаловать, надеюсь, тебе у нас понравится. Ты...

— Спасибо.

Учительница открыла было рот, чтобы еще что-нибудь спросить, но тут Орест повернулся к ней спиной и пошел между рядов. Просто взял, развернулся и направился к пустой парте в самом конце класса. Все обернулись ему вслед. Лицо у него было почти белое — бледное зимнее лицо, хотя уже наступил май. От этого его глаза казались неестественно черными. Впрочем, он смотрел прямо перед собой, словно не замечал нас.

Весь класс буквально разинул рты. Само собой, случается, что ученик игнорирует учителя, но всё же не в первый день пребывания в новой школе. Стояла такая тишина, что был слышен малейший звук.

С легким стуком поставив портфель на парту, Орест достал клетчатый блокнот и синюю ручку. Беззвучно

выдвинул стул, открыл блокнот и щелкнул ручкой. Затем, поднеся ее к бумаге и сидя неподвижно, уставился на учительницу.

Учительница в ответ уставилась на него, Впрочем, как и все остальные. По-прежнему стояла полная тишина.

— Ну что ж, тогда давайте продолжим, — нашлась она после краткой неловкой паузы. — Античные художники...

Орест начал конспектировать. А я была готова разреветься от разочарования.

Не стану притворяться, что мне неизвестно, что написано в том письме. Конечно же, я открыла его, хотя оно адресовано не мне. Но я получила его сто дней назад. Сто дней! Кто в состоянии так долго держать у себя загадочное письмо и не распечатать его?

Поэтому я знала, что в конверте два тонких листа пожелтевшей бумаги, плотно исписанные мелким почерком. Однако напрасно я его распечатала — только измучилась потом угрызениями совести. А толку? Текст письма оказался совершенно, абсолютно, категорически непонятен!

Единственное, что мне оставалось, — это ждать, пока пройдут сто дней и появится настоящий владелец

письма, чтобы я наконец узнала, что всё это означает. Я представляла себе этого человека совершенно особенным. Мне казалось, он всё изменит.

В тот первый день в школе я вообще не разговаривала с Орестом. У меня возник план — отдать ему письмо по дороге домой, потому что жили мы неподалеку друг от друга. Но я так и не увидела его ни на велосипедной дорожке, ни на лесной тропинке.

На второй день я подготовилась получше. Начала следить за ним еще в классе, шла по пятам через школьный двор, а затем по велосипедной дорожке. Перед глазами у меня маячили его спина в куртке, брюки от костюма и портфель. Казалось, он не замечает, что дубравница* уже выглянула из-под снега в дубовой роще рядом с дорожкой и на лугу, где летом паслись лошади, а трава наконец-то начала пробиваться, — он смотрел только перед собой, как занятой взрослый, который куда-то торопится.

Я догнала его, когда мы свернули на лесную тропинку, которая идет через дубовую рощу и огибает

* Дубравница — многолетнее травянистое растение с мелкими белыми цветами. Цветет ранней весной. В России ее иногда ошибочно принимают за подснежник. *(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, — примеч. ред.)*

наши дома с задней стороны — сначала дом Ореста, потом мой.

— Орест! — окликнула я его. — Подожди!

Он остановился, но ничего не сказал. И вовсе не удивился. Словно всё время знал, что я иду за ним.

— Мы с тобой соседи, — сказала я. — Вернее, ну почти соседи... Меня зовут Малин.

Орест по-прежнему не отвечал. Он просто смотрел на меня с непроницаемым видом. Весенние лучи падали на его лицо — почти такое же белое, как цветки дубравницы вокруг.

— Здорово, что ты переехал сюда, — проговорила я, хотя в тот момент мне совсем так не казалось. — У меня для тебя кое-что есть.

Я сняла со спины рюкзак и достала письмо. Оно у меня там немного помялось.

— Вот, держи.

Орест по-прежнему не шевелился. Он просто стоял, словно окаменев. Будто меня и вовсе не существует. Столько времени его ждала, а он словно в упор меня не замечает! Но я обязательно должна отдать ему письмо!

— Ну возьми же его! — прошипела я. Схватила холодную, неподатливую руку Ореста и вложила в нее

письмо, выпалив на одном дыхании всю историю о том, как я получила письмо и ждала целых сто дней.

Когда я рассказала о задании, которое мне дали, Орест вырвал у меня руку и попятился. Глаза его потемнели.

Холодный весенний ветер пролетел между нами, и я поежилась.

— Ты что, совсем спятила? — прошипел Орест. Он так крепко сжал письмо в кулаке, что оно смялось в гармошку.

— Осторожно! — крикнула я. Но вместо того чтобы прислушаться к моим словам, он разорвал конверт пополам. Прекрасное старинное письмо, которое я так берегла, — а он уничтожил его, словно какой-то рекламный мусор! Казалось, это мое сердце разорвали на клочки.

— Не-е-ет! — закричала я, но он рвал письмо на мелкие части. Сотни белых кусочков, тонких, как лепестки цветка, закружились в воздухе.

Я упала на колени, попыталась их собрать, но ледяной ветер больно хлестнул меня по глазам и вырвал клочки из рук. Теперь я никогда не узнаю, что было в письме! Когда я подняла глаза, Ореста уже не было.

Вернувшись домой, я бросилась на кровать, изо всех сил стараясь не плакать.

Других детей здесь нет — в шести домах в глухом переулке между дубовой рощей и улицей Альмекэрр-свеген. Одни пенсионеры. Я так надеялась, что сюда кто-нибудь придет — лучше всего девчонка моего возраста. Может быть, даже со старшей сестрой. Мы подружимся — и иногда будем сидеть в комнате ее старшей сестры и слушать музыку.

Но Орест — не девчонка, и старшей сестры у него нет. И в этом он, конечно, не виноват. Но как жаль, что он оказался таким непроходимым тупицей.